

«ГОЛОДНЫЕ» ЗАБАСТОВКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918–1920 ГГ.*

Забастовки и другие формы протестных выступлений рабочих являлись неотъемлемым элементом трудовых отношений в первые годы советской власти (1918–1920). Однако изучение их началось только в постсоветский период в связи с изменившейся политической конъюнктурой. Одной из ключевых проблем периода «военного коммунизма» стала неспособность новой власти наладить снабжение рабочих товарами первой необходимости, и прежде всего продовольствием, что становилось основной причиной забастовок. В статье на основе материалов архивных фондов отраслевых профсоюзов рассматриваются непосредственные причины и механизмы возникновения забастовок на предприятиях Центрального промышленного района. В частности, обращается внимание на то, что забастовки были спровоцированы не просто нехваткой продовольствия, а несправедливым, по мнению рабочих, его распределением. Несмотря на то, что в целом профсоюзы в этот период в ходе конфликтов принимают сторону власти, а не рабочих, можно заметить определенные различия в позиции и оценках происходивших событий представителями центрального аппарата профсоюзов и низовых организаций. Местные профсоюзные деятели были не склонны к излишней политизации тех протестных выступлений, которые происходили на предприятиях, а также более объективно оценивали причины недовольства рабочих.

Ключевые слова: трудовые отношения в Советской России, трудовые конфликты, забастовки, продовольственный паек, профсоюзы, фабричные комитеты, рабочие-текстильщики.

Первые годы существования советской власти, вошедшие в историю как период «военного коммунизма», сопровождалась непрерывным падением промышленного производства и снижением уровня жизни рабочих, что заставляло последних прибегать к испытанному ранее средству борьбы за улучшение своего положения – забастовкам. Если в советский период проблема трудовых конфликтов и забастовок как их наиболее острой формы была «неудобной» для изучения, то в последние два десятилетия появился ряд публикаций, посвященных данному вопросу. Особо следует выделить работы Л.В. Борисовой [1] и Д.О. Чуракова [6; 7], в которых, однако, основное внимание уделяется забастовкам, происходившим, независимо от причин их возникновения, на крупных промышленных предприятиях и принимавшим выраженный политический характер.

В данной статье забастовки 1918–1920 гг., возникшие в связи с плохим обеспечением продовольствием, рассматриваются как трудовые конфликты, а не антибольшевистские политические акции. Основную источниковую базу исследования составили материалы архивных фондов Центральных комитетов отраслевых профсоюзов, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Они позволили детализировать и углубить понимание конкретных причин «голодных» забастовок, а также позиции профсоюзных организаций разного уровня, которые принимали непосредственное участие в ликвидации подобных конфликтов.

В статье рассматриваются текстильные предприятия Центрального промышленного района, на которых традиционно была велика доля женского труда.

Некоторые управляющие и директора предприятий в дореволюционной России говорили о том, что женщины-работницы менее склонны к протестным выступлениям и более управляемы, чем мужчины. Однако дефицит продовольствия, все более обострившийся в 1918–1920 гг., сделал женщин активными участницами трудовых конфликтов.

В докладах инструкторов организационного отдела ЦК профсоюза текстильщиков, выезжавших на различные предприятия во время забастовок для урегулирования ситуации всеми возможными способами, включая аресты, нередко отмечается, что рабочие получают продовольственный паек нерегулярно или не полностью, а иногда не получают вовсе и, как следствие, голодают. Так, М. Розенблюм свой доклад от 12 июля 1918 г. о результатах посещения Переяславской мануфактуры и материальном положении рабочих на этой фабрике начала весьма эмоционально: «Я очень извиняюсь, если в моем изложении найдете много субъективного чувства. Но не могу молчать... Краска горячего стыда покрыла мое лицо от заявления рабочих...» [2, л. 14]. В докладе сообщалось, что рабочие данного предприятия не получают ни хлеба, ни денег, а потому после отработанной смены отправляются в окрестные деревни «сбирать», то есть «выпрашивать кусок хлеба». «Я увидела перед собой аудиторию замученных, бледных, заморенных голодом тружеников, забитых нуждой и горем. <...> Получают они гроши, на которые хлеба по 250–300 руб. за пуд не имеют никакой возможности покупать; из продовольственной организации они ничего не получают. Есть при фабрике “О[бщест]во потребителей”, которое время от времени получает хлеб по дорогой цене и вы-

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Трудовые конфликты в промышленности Советской России (1918–1929 гг.): создание базы данных и статистический анализ протестного движения рабочих в годы военного коммунизма и нэпа» (№ 15-06-09174).

дает рабочим по 5 фунтов на месяц по цене 5 руб. за фунт», – пишет М. Розенблюм. По ее словам, на директора фабрики они смотрели как на «полу-бога», от которого зависит будущее предприятия, а значит, и их самих. Рабочие безропотно восприняли даже известие о предстоящей остановке производства, отметив лишь, что «если бы дали хлеба, то можно было бы жить». Такая готовность подчиниться любым обстоятельствам оценивается автором доклада как негативное явление: «Но отрадного в этой покорности я не вижу, ибо это голос “раба”, покорного “всякой” власти, лишь бы был хлеб насущный» [2, л. 15].

Однако далеко не везде рабочие готовы были воспринимать отсутствие продовольствия и средств к существованию столь спокойно и безропотно. Причем нередко забастовки, начавшиеся исключительно «на почве голода», классифицировались представителями власти как политические, что влекло за собой применение жестких мер для ликвидации конфликта. Аресты же наиболее активных забастовщиков или избранных рабочими представителей для ведения переговоров с хозяйственными, партийными, профсоюзными организациями зачастую не только не способствовали восстановлению социального мира, а, наоборот, провоцировали дальнейшее обострение конфликта. Примером подобного развития событий могут служить забастовки на фабриках «Волочек» и «Тоболка» (Тверская губ.) в апреле 1919 г. В то время на предприятиях трудились 697 и 1 477 рабочих соответственно [4, л. 22 об].

Утром 1 апреля забастовали рабочие фабрики «Волочек». Узнав об этом, рабочие «Тоболки» на общем собрании избрали делегацию из трех человек, которые должны были заняться выяснением «продовольственного вопроса» в местных хозяйственных органах. Однако практически сразу избранные делегаты были арестованы, что послужило причиной второго за день общего собрания рабочих фабрики, завершившегося принятием следующих решений: 1) «если через два дня не будет дано хлеба, то рабочие вынуждены идти на железную дорогу и разбирать муку, идущую мимо Вышнего Волочка»; 2) двое вновь избранных представителей рабочих должны были отправиться на конференцию районного отделения профсоюза текстильщиков и сообщить о принятом решении. При этом участники собрания постановили вернуться к работам и ожидать новостей от делегатов. И действительно, во второй половине дня рабочие вернулись к своим обязанностям. На следующее утро, 2 апреля, придя на фабрику, они узнали, что и вновь избранные ими представители для поездки на профсоюзную конференцию были арестованы. Это вызвало возмущение и привело к забастовке, сопровождавшейся требованиями о выдаче продовольствия и освобождении арестованных.

Именно второе требование и позволило властям классифицировать этот конфликт как политическую забастовку. Ситуация усугублялась тем, что забастовавшие на день раньше рабочие фабрики «Волочек» присоединились к данному «политическому» требованию. Угрозы о закрытии фабрики не имели никакого воздействия на рабочих. В итоге забастовку удалось прекратить только 8 апреля, когда на фабрику прибыли представители исполкома профсоюза текстильщиков и уговорили рабочих вернуться к своим обязанностям, пообещав разобраться с вопросом об арестованных и в скорейшем времени наладить своевременную доставку продовольствия [4, л. 23–23 об].

Изучая ход забастовок 1918–1920 гг., можно заметить все более активную позицию женщин-работниц в борьбе за улучшение своего положения. Причем нередко они вели себя достаточно решительно, даже агрессивно в ходе митингов, собраний и переговоров с представителями различных хозяйственных, партийных и профсоюзных организаций. Так, в ходе забастовки на фабрике Берг (Тверская губ.) в августе 1918 г., когда инструктор организационного отдела ЦК профсоюза текстильщиков попытался уговорить рабочих вернуться к станкам, «некоторые женщины прямо-таки показывали сжатые кулаки, требуя хлеба» [5, л. 5 об].

Представители партийных и профсоюзных организаций зачастую стремились объяснить забастовки и другие формы конфликтов на предприятиях, произошедшие на фоне возраставшего дефицита продовольствия, усиленной «разлагающей» деятельностью противников советской власти. Так, представитель Главного правления текстильных предприятий РСФСР («Национальтеканы»)¹ Нехорошев, характеризуя причины возникновения забастовки на фабрике Тверской мануфактуры в марте 1919 г., указывал, что конфликт возник в результате действий «темных личностей хулиганского типа», воспользовавшихся недоеданием рабочих и газетными сообщениями о том, что забастовщики в Петрограде и Туле смогли добиться выдачи дополнительного хлебного пайка [4, л. 14].

В первый день забастовки на фабрике Тверской мануфактуры, 21 марта 1919 г., состоялся митинг рабочих, на котором одна из работниц заявила: «Раз не можете управлять, так передайте другим вожжи». Отвечая на уточняющий вопрос, она заявила, что власть должна быть передана Учредительному собранию, после чего тут же была арестована вместе с несколькими рабочими, одобрительно встретившими ее высказывание. На следующий день была арестована еще одна работница, которая потребовала переизбрания фабричного комитета [4, л. 14]. Остальные рабочие, «видя угрозу власти», разошлись по своим местам, но работу не начали. В течение последующих двух дней, которые являлись нерабочими, некоторые аресто-

ванные были освобождены как «взятые напрасно». 26 марта представитель Главного правления текстильных предприятий вместе с представителями местных властей пришли в ткацкий корпус для переговоров с рабочими, выслушали требования последних. В итоге производственный процесс удалось возобновить. Подобное же мероприятие провели и в прядильном отделении [4, л. 14–14 об].

Делая заключение о причине забастовки, Нехорошев писал: «...забастовка вызвана была хулиганами, но Комитет не сумел подойти к рабочим с миром, а подошел с арестом». Он считал, что прежде чем «производить аресты, звать ЧК», нужно сначала поговорить с рабочими, причем не на митингах, куда ходят далеко не все, а прямо в цехах [4, л. 15].

Тверской же профсоюз текстильщиков, отвечая на этот упрек в свой адрес, обращал внимание на то, что истинной причиной забастовки стал «недостаток продовольствия» [4, л. 18]. Поэтому, с их точки зрения, переговоры и уговоры, не сопровождавшиеся улучшением продовольственного снабжения, если и могли дать эффект, то лишь кратковременный.

Во время забастовок на российских промышленных предприятиях в конце XIX – начале XX в. рабочими часто выдвигалось требование уравнивать в заработной плате и других материальных выплатах рабочих одной специальности, но трудившихся в разных производственных отделах, поскольку они выполняли аналогичную работу. В 1918–1920 гг. требование «уравнивать» было перенесено в сферу продовольственного снабжения. Так, рабочие Никольских фабрик, ранее принадлежавших Товариществу Морозовых, на протяжении 1920-го года неоднократно останавливали производство, требуя установления одинакового размера пайка для разных групп рабочих. 5 марта 1920 г. правление Орехово-Ликинских хлопчатобумажных фабрик сообщало в ЦК профсоюза текстильщиков о забастовке, начавшейся 3 марта на Никольских фабриках. Первыми остановили станки прядильщики, их примеру последовали другие рабочие, в результате чего в течение 4 марта были остановлены ватерный и трепальный отделы, к забастовке присоединились холстовщики и тазовщики. Рабочие требовали уравнивания в размерах выдаваемого продовольственного пайка с рабочими электрической станции, а также выдачи продовольствия как на работающих, так и на неработающих членов семьи. Двухчасовые переговоры представителей правления и фабрично-заводского комитета не смогли изменить настроение забастовавших рабочих. В результате было принято решение об остановке предприятия [3, л. 15].

Неразрешенность продовольственного вопроса стала причиной очередной забастовки на этих фабриках 6–12 мая 1920 г. Рабочие требовали установить для всех рабочих высшую норму пайка,

а также устранить существовавшие «неправильности» в вопросе отнесения работников к той или иной группе пайка. В частности, они были недовольны тем, что администрация фабрики получала высшую норму пайка, «хотя и не работала непосредственно на электропередаче», работникам которой была установлена эта категория. Кроме того, их возмущало, что на торфяных работах, «начиная с рабочих, действительно роющих торф, и до мальчика-рассыльного получают торфяной паек, в то время как взрослые квалифицированные рабочие на фабрике получают обыкновенный фабричный паек» [3, л. 12]. Профсоюзные деятели, анализируя сложившуюся ситуацию уже после завершения забастовки, соглашались с тем, что для снижения уровня социальной напряженности необходимо «устранить пестроту пайка в Орехово-Зуевском районе» [3, л. 14]. Однако ситуация осталась практически неизменной, что спровоцировало дальнейшие конфликты.

В докладной записке представителя ЦК профсоюза текстильщиков Матвеева от 12 декабря 1920 г. сообщаются подробности забастовки, произошедшей в конце указанного года на Никольских фабриках. Проблема вновь заключалась в недовольстве рабочих различными нормами продовольственного обеспечения для представителей разных профессиональных групп. Кроме того, с 13 ноября 1920 г. текстильщиками вместо одного фунта хлеба начали выдавать по ½ фунта проса. Недовольство, нараставшее в течение двух недель, вылилось в забастовку, начавшуюся 2 декабря и охватившую примерно 400 рабочих хозяйственного и ремонтно-строительного отделов. Рабочие-текстильщики в очередной раз требовали уравнивать их норму пайка с аналогичными нормами для рабочих электропередачи или торфяного болота. Местные партийные, хозяйственные и профсоюзные деятели испробовали все доступные им способы от уговоров до угроз расчетом и передачей рабочих «в отделы распределения рабочей силы или в комитет по борьбе с трудовым дезертирством» в попытках восстановить нормальный производственный процесс. Однако рабочие отказывались вернуться к станкам до удовлетворения их требований, заявив: «Мы скорее пойдем в концентрационные лагеря² (там лучше кормят), чем будем работать на фабрике» [3, л. 16]. Такое упорство рабочих, по мнению автора докладной записки, объяснялось, с одной стороны, нехваткой рабочих рук в данном районе, а с другой, тем обстоятельством, что «в концентрационном лагере... жизни и работа по своим условиям стоит ничем не хуже наших текстильных фабрик» [3, л. 16]. Данные, приведенные в таблице, показывают, что для подобного утверждения имелись все основания [см.: 3, л. 16 об.].

Как видим из таблицы, рабочие-текстильщики были поставлены в худшие условия обеспечения

**Состав продовольственного пайка для различных групп рабочих
Никольских фабрик в ноябре 1920 г. [3, л. 16 об.]**

Норма*	Строительные рабочие	Рабочие- торфяники	Текстильщики (ударный паек)	Тюрьмы, концлагеря, арестантские дома
Хлеб	1 $\frac{1}{3}$	1 $\frac{1}{2}$	1	$\frac{1}{2}$
Крупа	–	–	–	10
Мука	–	–	–	$\frac{1}{2}$
Сахарный песок	1	1 $\frac{1}{2}$	2	1
Соль	2	1 $\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	1
Картофель	10	10	–	30
Овощи, корнеплоды	–	–	25	15
Мясо, рыба	15	15	4	10
Жиры	–	–	–	1 $\frac{1}{2}$
Чай	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	–	$\frac{1}{2}$
Табак	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$	–
Мыло	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	–	–
Спички	2	2	2	–
Кофе	–	–	$\frac{1}{4}$	–

* *Примечание:* хлеб – фунтов/день, спички – кор./месяц, остальные продукты – фунтов/мес.

продовольствием не только по сравнению с другими группами работников (строительные и торфяники), но и по сравнению с гражданами, отбывающими наказание в тюрьмах, арестных домах и концентрационных лагерях. Кроме того, если остальные группы пайки получали «более или менее регулярно», то текстильщикам продукты выдавались с большими задержками и пропусками. Так, в период с 1 по 13 ноября они получили всего 6,5 фунтов хлеба на человека (то есть в 2 раза меньше положенного по норме), а в течение следующей недели, с 14 по 20 ноября, – по 0,5 фунтов просыной муки в день на человека (вместо 1 фунта хлеба) [3, л. 16 об.].

Разница в размерах и составе продовольственных пайков у рабочих Никольских фабрик объяснялась тем, что они «обслуживали разные производства». Но при этом работали они рядом, проживали вместе и готовили пищу в одних помещениях. Такая ситуация не могла не вызывать недовольство текстильщиков, которые имели сравнительно низкие нормы пайка, да и те выплачивались нерегулярно. Проблема усугублялась тем, что к ноябрю 1920 г. правление Орехово-Ликинских фабрик задержало выплату жалования и премий на сумму порядка 204 млн руб. [3, л. 16 об.]. Таким образом, рабочие не получали ни продуктов, ни денег, что и привело к забастовке. Одним из негативных последствий такого положения дел (кроме забастовок) стало «массовое воровство», наблюдавшееся среди рабочих Никольских фабрик. Так, по приблизительным подсчетам в ниточном отделе в тот период пропало до 18 % всей вырабатываемой продукции [3, л. 17].

Аналогичная причина – «несправедливость» распределения имеющегося продовольствия – вы-

звала забастовку на Истомкинской и Елагинской мануфактурах (Московская губ.) в начале февраля 1920 г. Рабочие этих фабрик получали продовольствие крайне нерегулярно, иногда оно не выдавалось вообще на протяжении длительного периода, тогда как «рабочие электропередачи» получали паек своевременно. Причем продовольствие провозилось на открытых платформах и в санях мимо голодающих текстильщиков в распределительные продовольственные пункты электростанции [3, л. 2 об.]. Такое положение вещей еще более усугубляло недовольство рабочих и провоцировало их на решительные действия.

Таким образом, решительность и настойчивость рабочих в ходе забастовок 1918–1920-х гг. объяснялись не только нерегулярностью продовольственного снабжения, но и несправедливостью, по мнению бастовавших, распределения имеющихся продуктов между различными группами работников. Кроме того, действия представителей хозяйственных, партийных, профсоюзных организаций нередко не сглаживали, а, наоборот, усугубляли конфликт. Говоря о роли профсоюзов в ходе забастовок в рассматриваемый период, следует отметить различие в оценке происходивших событий между представителями центральных и местных организаций. Все стремились избежать обвинения в неспособности предотвратить и быстро ликвидировать конфликт. Но при этом если представители профсоюзного центра склонны были излишне политизировать происходившие забастовки и перекладывать вину за них на классовых врагов, то низовые профсоюзные организации часто верно оценивали истинную причину возмущения рабочих, обращая внимание на нерешенность массы бытовых и производственных проблем.

Примечания

¹ Образовано в соответствии с Постановлением ВСНХ от 19 ноября 1918 г. для управления всеми национализированными предприятиями текстильной отрасли.

² В рассматриваемый период концентрационные лагеря существовали во многих промышленных центрах, а иногда напрямую при предприятиях или группе предприятий. Рабочие отправлялись туда на определенный срок по приговору дисциплинарных судов за различные нарушения (прогулы, опоздания, нарушение порядка на предприятиях). Они находились в изоляции от окружающего мира и выполняли различные виды работ (часто по своей основной специальности).

Библиографический список

1. *Борисова Л.В.* Трудовые конфликты в Советской России (1918–1924 гг.). – М.: Собрание, 2006. – 288 с.

2. Докладная записка и сообщения о положении текстильной промышленности в губерниях //

ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 2. – Д. 74.

3. Материалы о забастовках на предприятиях текстильной промышленности: протоколы, докладные записки, телеграммы // ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 4. – Д. 47.

4. Протоколы, доклады и телеграммы о происшедших на текстильных фабриках стачках и забастовках на почве отсутствия продовольствия // ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 3. – Д. 53.

5. Протоколы заседаний следственной комиссии и доклады инструкторов Центрального Комитета союза текстильщиков о забастовках на частных текстильных предприятиях // ГАРФ. – Ф. 5457. – Оп. 2. – Д. 88.

6. *Чураков Д.О.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). – М.: Вече, 2007. – 352 с.

7. *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.